

СЧАСТЬЕ НА ДВОИХ

СОФИЯ ВУЛ

София Вул

Счастье на двоих

«Автор»

2026

Вул С.

Счастье на двоих / С. Вул — «Автор», 2026

Андрей остался один с маленькой дочерью после измены жены. Теперь его жизнь — это работа, детский сад, домашние хлопоты и постоянная усталость. В очереди к врачу он знакомится с Еленой — женщиной, которая тоже пережила предательство и воспитывает ребёнка одна. Эта случайная встреча становится для них шансом вновь научиться доверять, любить и строить настоящее счастье на двоих.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четверг	6
Глава 2. Косички и совещания	10
Глава 3. Очередь к педиатру	14
Глава 4. Женщина с зелёным шарфом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

София Вул

Счастье на двоих

Счастье на двоих

София Вул

Любовный роман

Глава 1. Четверг

Жена ушла от меня в четверг.

Не знаю, почему я так хорошо запомнил день недели. Наверное, потому, что до того вечера четверг ничем не отличался от сотен других дней моей семейной жизни.

Утром я отвёз Машу в детский сад, застрял в пробке и опоздал на совещание. Днём начальник трижды напомнил, что проект торгового центра нужно закончить к понедельнику. По дороге домой я купил молоко, хлеб, пачку макарон и клубничные йогурты, которые любила дочь.

Обычный список дел обычного семейного человека.

Только к вечеру семейным человеком я уже не был.

Когда я вошёл в квартиру, в прихожей стоял большой красный чемодан. Тот самый, который мы купили два года назад перед поездкой в Турцию. Лариса тогда потратила полдня, выбирая цвет. Красный казался ей ярким, жизнерадостным и хорошо заметным на багажной ленте.

Теперь этот чемодан стоял у двери, а рядом лежала её белая сумка.

Из спальни доносился стук каблуков. Лариса появилась в коридоре в светлом пальто, хотя на улице было тепло. Волосы уложены, губы накрашены, на шее новый шёлковый платок. Она выглядела так, будто собралась не разрушить семью, а отправиться на модный показ.

— Ты уже дома? — спросила она.

Я стоял перед ней с пакетом продуктов в руке, поэтому отрицать своё присутствие было трудно.

— Как видишь.

Она посмотрела на часы. Не на меня — на часы.

— Я думала, ты придёшь позже.

— Совещание перенесли.

— Понятно.

Я поставил пакет на пол. Банка горошка ударилась о бутылку молока. Почему-то этот звук показался оглушительным.

— Куда ты собралась?

Лариса вздохнула. Не виновато и не растерянно — скорее раздражённо, словно я заставлял её повторять давно известные вещи.

— Андрей, давай без сцен.

— Я ещё не устроил ни одной.

Она прошла в гостиную, села в кресло и аккуратно поправила край пальто. Я остался стоять.

— Я ухожу, — сказала Лариса.

Три коротких слова. Я слышал их в кино, читал в книгах, наверняка кто-то произносил их за стенами соседних квартир. Но до той минуты не понимал, насколько тяжёлыми они могут быть.

— Куда?

— Какая теперь разница?

— Для меня есть.

Она отвела взгляд к окну.

— К Вадиму.

Имя прозвучало слишком буднично. Вадима я знал. Он владел сетью фитнес-клубов, в одном из которых Лариса работала администратором. Несколько раз мы встречались на корпоративных праздниках. Он широко улыбался, крепко жал мне руку и называл Ларису лучшим сотрудником.

Оказалось, не только сотрудником.

— Давно?

— Что именно?

— Не заставляй меня произносить это вслух.

— Около года.

Значит, прошлым летом, когда мы втроём ездили на море, она уже встречалась с ним. Лариса постоянно уходила говорить по телефону, ссылаясь на проблемы на работе.

Теперь собственная доверчивость казалась почти оскорбительной.

— Почему ты не сказала раньше?

— А что бы изменилось?

— Я хотя бы не прожил этот год во лжи.

— Не драматизируй. У нас давно всё было плохо.

Это было неправдой. У нас не было всё плохо. Мы ссорились, уставали, иногда по несколько дней говорили только о бытовых мелочах. Я задерживался на работе. Она обвиняла меня в том, что мы редко куда-нибудь ходим. Я обещал исправиться, покупал билеты в театр, устраивал ужины и брал дополнительные заказы, чтобы оплатить очередной отпуск.

Наша жизнь не была идеальной. Но она была нашей. По крайней мере, я так думал.

— Почему ты не предложила развестись до того, как начала спать с другим мужчиной?

Лариса поморщилась.

— Можно говорить не так грубо?

— А как это назвать, чтобы прозвучало красиво?

— Я полюбила его.

Хотелось закричать, спросить, чем он лучше, разбить подаренную на годовщину вазу. Я не сделал ничего. Мне было тридцать восемь, и я привык решать проблемы, а не швырять посуду.

Только эта проблема решения не имела.

— Мы можем спокойно всё обсудить, — сказала Лариса. — Как взрослые люди.

— Когда ты вернёшься?

— Я не вернусь.

— Совсем?

— Андрей, я переезжаю к Вадиму. Мы хотим быть вместе.

— А Маша?

Впервые за весь разговор Лариса замолчала. Всего на несколько секунд, но мне хватило.

— Что Маша?

— Ты собралась переезжать к любимому мужчине. Что будет с нашей дочерью?

— Ей лучше остаться здесь.

— На сегодняшний вечер?

— Вообще.

Я не сразу понял смысл ответа.

— Ты хочешь оставить её со мной?

— Не говори так, будто я бросаю ребёнка на улице. Ты её отец.

— А ты её мать.

Лариса подошла к окну. За стеклом зажигались окна соседнего дома. В одной квартире женщина накрывала на стол. В другой мужчина держал на руках малыша. У всех продолжался обычный вечер. Только наш закончился.

— Вадим пока не готов жить с ребёнком, — сказала она.

— Он целый год встречался с замужней женщиной и ни разу не задумался, что у неё есть дочь?

— Не начинай. Ты всё равно проводишь с Машей больше времени.

— Я уйду из дома в восемь и возвращаюсь в семь.

— Но ты хороший отец.

— Это причина оставить со мной ребёнка?

— Я буду приезжать, забирать её на выходные.

Из детской донёсся голос:

— Папа, ты пришёл?

Мы оба замерли. Я был уверен, что Маша спит.

Через несколько секунд дочь появилась в дверях с плюшевым зайцем. Светлые волосы растрепались, на щеке отпечатались швы от подушки.

— Папочка!

Она подбежала, и я поднял её на руки.

— Привет, воробей.

— Ты принёс клубничный йогурт?

— Как заказывали.

Маша улыбнулась и обняла меня за шею.

— А почему мама в пальто?

Я посмотрел на Ларису.

— Мама уезжает, — сказала она.

— На работу?

— Нет, солнышко. Мне нужно пожить в другом месте.

— А мы с папой тоже туда приедем?

Лариса закусила губу.

— Ты пока останешься с папой.

— А ты?

— Я буду звонить.

— Каждый день? А ночевать придёшь?

Маша смотрела на мать доверчиво и спокойно. Для неё всё происходящее было временным. Мама куда-то уезжала, но обязательно должна была вернуться — как возвращалась с работы, из магазина или от подружки.

— Я очень тебя люблю, — сказала Лариса.

Она попыталась погладить дочь по голове, но Маша прижалась ко мне.

— Тогда не уезжай.

Лицо Ларисы дрогнуло. На мгновение я решил, что она передумает. Снимет пальто, отнесёт чемодан обратно в спальню, и мы попробуем разобраться. Не ради меня — ради дочери.

Но телефон в её сумке завибрировал. Лариса посмотрела на экран.

— Мне пора.

Она поцеловала Машу в щёку, пообещала скоро приехать и вышла. Через минуту внизу хлопнула подъездная дверь. За окном мигнули фары чёрного автомобиля. Машина выехала со двора и скрылась за углом.

— Мама вернётся завтра? — спросила Маша.

— Не знаю, воробей.

— Она на меня сердится? Я больше не буду разбрасывать игрушки.

Вот тогда я едва не сломался.

Я сел на диван и посадил дочь на колени.

— Послушай меня. Ты ни в чём не виновата. Иногда взрослые совершают глупости и не сразу умеют их исправить.

— А ты тоже уйдёшь?

— Никогда.

— Точно?

— Точно. Я всегда буду рядом.

Маша несколько секунд всматривалась в моё лицо, затем кивнула.

— Я хочу йогурт.

На кухне я обнаружил, что бутылка молока разбилась. Пришлось собирать осколки и вытирать пол. На ужин были макароны и единственная котлета, которую я отдал дочери. Потом мы долго искали розовую пижаму, укрывали отдельным одеялом плюшевого зайца и сочиняли сказку про архитектора, который остался один с дочкой и совершенно не умел готовить кашу, стирать платья и заплетать косички.

— Кто ему поможет? — спросила Маша.

— Не знаю.

— Добрая волшебница. Пусть она найдёт архитектора, и они построят самый лучший дом.

— Хорошо.

Когда дочь уснула, я вернулся на кухню. На холодильнике висела фотография с её последнего дня рождения. Мы улыбались так убедительно, что я почти поверил: женщина на снимке всё ещё любит меня.

В половине одиннадцатого позвонила Лариса. Она сообщила, что не сможет забрать Машу ни завтра, ни на выходных: им с Вадимом нужно куда-то съездить.

Им.

Теперь этим словом она называла себя и другого мужчину.

В три часа ночи я всё-таки разобрался со стиральной машиной. Правда, вместе с белыми футболками туда попал красный Машин носок. Утром все футболки оказались нежно-розовыми.

Так началась моя новая жизнь.

Глава 2. Косички и совещания

Будильник зазвонил в шесть тридцать. Я спал не больше двух часов, поэтому сначала не понял, почему лежу на кухонном диване. Потом увидел ноутбук, пустую чашку и розовые футболки на спинках стульев.

Четверг закончился. Началась пятница, а жена не вернулась.

Из детской донёсся кашель. Я сразу поднялся и потрогал Машин лоб. Температуры не было.

— Вставай, воробей.

Она сонно открыла глаза.

— Мама приехала?

Первый вопрос нового дня.

— Нет. Мы вчера говорили: она теперь живёт отдельно.

Маша отвернулась к стене.

— Тогда я не пойду в садик.

— Почему?

— Не хочу.

Я сел рядом. Мне тоже не хотелось никуда идти. Хотелось закрыть глаза и проснуться в прежней жизни, где Лариса ворчит из-за носков, а я считаю главным несчастьем несогласованный проект.

— Мне нужно на работу, а оставить тебя не с кем.

— Не ходи.

— Начальник рассердится.

— А Елена Петровна рассердится, если я не приду?

— Наверное.

— Она добрая. Значит, не рассердится.

Железная логика. После долгих переговоров мы договорились, что Маша пойдёт в сад, но платье выберет сама. Она выбрала белое кружевное, предназначенное для праздников.

— Сегодня обычный день.

— Для тебя обычный, а для меня красивый.

Проблемы начались с волос. Они доходили почти до пояса, и прежде я считал это очень красивым. В то утро впервые подумал, что короткая стрижка — великое изобретение человечества.

— Две косички, — потребовала дочь.

— Может, хвост?

— Две.

Через десять минут одна начиналась у уха, другая почти на затылке. Первая получилась толстой, вторая напоминала мышинный хвост.

— Они разные, — сказала Маша, глядя в зеркало.

— Так интереснее.

— У Кати одинаковые.

— У Кати, вероятно, очень талантливый папа.

— Её заплетает мама.

Пришлось всё распустить. Я включил обучающее видео. Весёлая женщина обещала научить меня французской косе за пять минут. Через четверть часа у меня затекли руки, Маша захныкала, а результат напоминал спутанный канат.

— Давай хвост, — наконец согласилась она.

В лифте я заметил шоколадное пятно на белом платье, но возвращаться было поздно. До сада мы шли пешком: машина осталась у офиса. Возле ворот дочь остановилась.

— Папа, ты меня заберёшь?

— Конечно.

— Точно?

— Обещаю.

— А если забудешь?

Я достал ручку и написал на ладони: «Маша. 18:00».

Дочь внимательно прочитала и удовлетворённо кивнула.

Елена Петровна встретила нас в раздевалке. Ей было около пятидесяти. Она посмотрела на мятое платье, кривой хвост и мои красные глаза.

— Андрей Сергеевич, у вас всё хорошо?

— Да.

— Мама теперь живёт отдельно, — сообщила Маша. — А папа не умеет делать косички.

Дети не признают права взрослых на личную жизнь.

Воспитательница отвела меня в сторону.

— Лариса больше не будет приводить Машу?

— Скорее всего, нет.

— Постарайтесь сегодня забрать её пораньше. Она переживает, хотя держится.

— Буду в шесть.

В офис я ворвался без пяти девять. Секретарь выразительно посмотрела на розовые рукава.

— Новый стиль, Андрей Сергеевич?

— Семейная коллекция. Единственный экземпляр.

В переговорной меня ждали директор Илья Аркадьевич, заказчик и четверо коллег. На экране был открыт мой проект.

— Соколов, мы уже начали без вас.

— Прошу прощения.

Первые минуты мысли возвращались к Маше. Потом сработала привычка. Я говорил о нагрузках, материалах, сроках и стоимости, исправлял замечания и постепенно снова становился человеком, который знает, что делает.

В работе всё было проще. У каждой ошибки существовала причина. Любой недостаток можно было исправить расчётом. В семейной жизни формулы не работали.

После совещания директор вызвал меня.

— Что с тобой?

— Не выспался.

— Это я вижу. Почему опоздал?

— Отводил дочь в сад.

— А жена?

Я помолчал.

— Жена ушла.

Он снял очки.

— Совсем?

— Похоже на то.

— Чёрт. Возьми несколько дней.

— Не могу. В понедельник сдача.

— Перенесём.

— Не надо. Я закончу.

Мне требовалась работа. Не только из-за денег. Она оставалась последним доказательством, что прежний Андрей ещё существует.

До обеда я действительно работал. Потом позвонила Лариса. Она спросила, плакала ли Маша, и сообщила, что приедет в воскресенье обсудить развод.

— Ты обещала дочери выходные.

— Я постараюсь побыть с ней.

— Постарайся.

— Не начинай.

В пять заказчик прислал замечания. В пять двадцать директор потребовал пересчитать смету. В пять сорок я увидел надпись на ладони. Чернила почти стёрлись, но слово «Маша» ещё читалось.

— Ты куда? — спросил мой заместитель Денис.

— За дочерью.

— А смета?

— Завтра.

— Завтра суббота.

— Вот именно.

Я добрался до сада в шесть двадцать. В группе оставалось трое детей. Маша сидела у окна, прижимая зайца. Увидев меня, вскочила.

— Ты пришёл!

В её голосе было столько удивлённой радости, что я почувствовал вину.

— Я же обещал.

— Покажи руку.

Я показал остатки надписи.

— Почти стёрлось.

— Но я помнил.

Елена Петровна вручила мне пакет со спортивной формой, согласие на прививку и список того, что нужно принести в понедельник. Я сложил всё так серьёзно, словно получал проектную документацию государственного объекта.

По дороге домой мы зашли в магазин. Я купил курицу, картошку, яйца, сыр, яблоки и три упаковки клубничного йогурта.

— Папа, ты умеешь готовить суп?

— Конечно.

Это была ложь, но после вчерашнего я решил, что имею право на одну небольшую.

Дома выяснилось, что для супа нужна морковь, которую я не купил. Зато была замороженная брокколи.

— Только не её, — попросила дочь.

— Это полезно.

— Но невкусно.

Я нашёл рецепт в интернете. Всё выглядело просто, пока масло не начало стрелять, лук не подгорел, а вода не убежала на плиту.

Маша наблюдала из дверей.

— Мама делала не так.

— Я не мама.

Слова прозвучали резче, чем я хотел. Дочь опустила голову.

— Я знаю.

Я выключил плиту и присел перед ней.

— Прости. Я не на тебя сержусь.

— А на маму?

— Немного.

— Она плохая?

— Нет. Но поступила плохо.

Суп получился пересоленным. Маша съела три ложки и попросила бутерброд. Я не спорил.

После ужина позвонила Лариса. Маша схватила телефон.

— Mamочка! Ты сегодня придёшь? А завтра? Почему? А когда закончатся дела?

Её лицо становилось всё печальнее.

— Я тоже тебя люблю.

Она отдала телефон и ушла в детскую.

— Что ты ей сказала? — спросил я.

— Что приеду в воскресенье.

— Она ждала тебя сегодня.

— Я не обещала.

— Для пятилетнего ребёнка «позвоню завтра» и «приеду завтра» звучат одинаково.

— Объясни ей.

— Может, объяснишь сама?

Лариса оборвала разговор.

Маша лежала под одеялом лицом к стене.

— Продолжим сказку про архитектора?

— У него тоже жена ушла?

— Вчера у него не было жены.

— Значит, ушла. А волшебница уже нашлась?

— Пока нет.

— Пусть найдётся скорее.

Перед сном я составил в телефоне список: купить бальзам для волос, узнать расписание танцев, позвонить педиатру, найти запасные ключи от сада. Раньше всё это существовало где-то рядом и делалось будто само. Теперь я впервые увидел невидимую половину семейной жизни — сотни мелких дел, которые Лариса помнила без напоминаний. Мне было стыдно, что я заметил их только после её ухода.

— Обязательно.

Я ещё не знал, что она уже совсем близко. Нужно было только дождаться понедельника и заболеть.

Глава 3. Очередь к педиатру

В субботу утром у Маши поднялась температура.

Я проснулся оттого, что она забралась ко мне под одеяло. Её ступни были холодными, а лоб горячим. Термометр показал тридцать восемь и две. Я измерил ещё раз, будто цифры могли передумать.

Тридцать восемь и три.

— У меня жар? — спросила Маша.

— Небольшой.

— Я умру?

— Конечно нет.

— А почему у тебя глаза большие?

Я постарался сделать их меньше.

Раньше болезнями дочери занималась Лариса. Я покупал лекарства, возил их в поликлинику и звонил с работы, но не знал, чем обычный кашель отличается от опасного и при какой температуре дают жаропонижающее.

Лариса не отвечала. После трёх вызовов я написал: «У Маши 38,3. Что ей дать?»

Ответ пришёл через двадцать минут: «В верхнем ящике парацетамол. Дозировка на упаковке. Мы за городом, связь плохая».

Мы.

В верхнем ящике было столько флаконов, что можно открыть аптеку. Парацетамол нашёлся, но срок годности закончился два месяца назад. Пришлось идти в круглосуточную аптеку. Оставить Машу одну я не мог, поэтому одел её и понёс на руках.

— Я тяжёлая?

— Как пушинка.

— А мама говорит, что я большая.

— Для мамы большая. Для папы пушинка.

В аптеке молодая девушка подробно объяснила дозировку и посоветовала обратиться к врачу, если температура продержится дольше трёх дней. Я записал всё в телефон, а потом ещё дважды переспросил.

К вечеру стало легче, но появился сухой кашель. В воскресенье Лариса написала, что приехать не сможет: Вадим простудился, и ей неудобно оставлять его одного.

Я перечитал сообщение дважды. Маша лежала рядом и рисовала маме картинку.

— Когда она будет?

— Не сегодня.

— Она тоже заболела?

— У неё не получилось приехать.

Дочь ничего не сказала. Только убрала рисунок в ящик.

В понедельник температура держалась. Я дозвонился в поликлинику с двенадцатой попытки. Заболевших детей принимали без записи с девяти до двенадцати.

В коридоре нас встретили человек двадцать. Дети кашляли, плакали, бегали между скамейками и отбирали игрушки. Родители смотрели на закрытую дверь кабинета, будто за ней находился выход из осаждённой крепости.

— Кто последний? — спросил я.

На меня посмотрели сразу несколько женщин.

— Все по времени, — ответила одна.

— На сайте написано, что без записи.

— Без записи тоже по записи.

Я задумался над этой системой.

— И что делать?

— Идите в регистратуру.

В регистратуре отправили обратно и велели ждать, пока врач примет записанных. Свободных мест не было. Маша прижалась ко мне и кашлянула.

Тогда я впервые увидел Елену.

Она сидела у окна рядом с мальчиком лет шести. На ней были джинсы, тёмно-зелёный свитер и лёгкая куртка. Русые волосы собраны в небрежный пучок. На лице почти не было косметики, под глазами лежали тени усталости.

Красавицей в привычном смысле я бы её не назвал. Но рядом с ней почему-то сразу становилось спокойнее.

Мальчик занял соседний стул рюкзаком. Женщина убрала его.

— Садитесь. Девочка плохо себя чувствует.

— Спасибо.

Я посадил Машу, а сам остался стоять.

— Давно температура? — спросила женщина.

— Третий день.

— Высокая?

— В первый была тридцать восемь и три. Теперь около тридцати семи с половиной.

— Кашель сухой?

— Наверное.

Она улыбнулась.

— Вы не уверены?

— До прошлой недели медицинскими вопросами занималась жена.

Я сказал это без желания жаловаться, но женщина поняла.

— А сейчас?

— Сейчас занимаюсь я.

Она не стала расспрашивать.

— У Никиты было похоже. Врач сказала, что вирус.

Мальчик поднял голову.

— Я уже здоров.

— Тогда почему мы здесь? — спросила женщина.

— Потому что ты мне не веришь.

— Потому что ты кашляешь по ночам.

Никита посмотрел на Машу.

— У тебя тоже вирус?

— Не знаю.

— Они быстро проходят. Только сироп невкусный.

— Я люблю сладкий.

— Этот не сладкий. На коробке врут.

Через несколько минут дети уже обсуждали мультфильмы.

— Андрей, — представился я.

— Елена.

Мы пожали руки.

— А это Маша.

— Я слышала. Мой сын — Никита.

— Я тоже слышал.

У Елены была тёплая улыбка. Не широкая и не предназначенная для посторонних глаз. Такая появляется сама собой и сразу исчезает.

- Вы давно один с дочерью? — спросила она тихо.
- Четыре дня.
- Совсем недавно.
- Пока кажется, что прошло четыре месяца.
- Первое время самое трудное.
- Вы говорите как человек с опытом.

Она посмотрела на сына.

- Три года.
- Муж ушёл?
- К коллеге. Классический сюжет.
- Моя — к начальнику.
- Значит, у нас разные жанры.

Я неожиданно рассмеялся. За последние дни это был первый настоящий смех. Женщина в очереди недовольно на нас посмотрела.

- Простите. Просто всё это пока не кажется смешным.

— И не должно. Юмор приходит позже. Сначала приходят бессонница, злость и желание выбросить половину вещей из окна.

- У меня уже были розовые футболки.
- Это какая стадия?
- Стирка белого с красным носком.
- Тогда вы быстро учитесь.

Дверь открылась, медсестра назвала очередную фамилию.

- Мы здесь надолго, — вздохнул я.
- Не меньше часа.
- Мне ещё на работу.
- С больным ребёнком?
- Проект нужно сдавать.
- А Машу куда?
- Пока не знаю.
- Придётся брать больничный.

Я никогда не брал больничный из-за ребёнка. Даже не знал, может ли отец его оформить.

- Мне дадут?
- Вы родитель, а не случайный прохожий.
- Иногда чувствую себя именно прохожим. Вчера двадцать минут искал колготки.
- Нашли?
- В Машинном шкафу. Кто бы мог подумать?

Елена рассмеялась, и я поймал себя на том, что люблю её. Сразу стало неловко. Жена ушла четыре дня назад, а я уже разглядывал незнакомую женщину. Хотя между нами не происходило ничего, кроме разговора.

- Папа, я хочу пить, — сказала Маша.

Бутылка оказалась пустой. Елена подсказала, что внизу есть автомат, и заняла очередь. Когда я вернулся, Никита показывал Маше книгу, а Елена держала на коленях обе детские куртки.

Картина была настолько домашней, что я остановился. Не потому, что представил нас семьёй. Просто за последние дни привык всё делать один, и даже небольшая помощь показалась неожиданно ценной.

Мы прождали ещё час. Маша заснула у меня на руках. Елена подложила под мой локоть свою свёрнутую куртку.

- Вы всегда помогаете незнакомым мужчинам?

— Только совсем беспомощным.

— Я не беспомощный.

— Конечно. Особенно это заметно по вашему лицу. На нём написано: «Где здесь инструкция к ребёнку?»

— Инструкцию забыли выдать в роддоме.

Елену вызвали раньше. Через пятнадцать минут она вышла с рецептом.

— Обычный бронхит. Ничего серьёзного.

Она помедлила.

— Запишите мой номер. Никита обещал отдать Маше книгу про динозавров. И я могу прислать контакты хорошей няни.

Я, должно быть, слишком удивился, потому что она добавила:

— Исключительно ради книги и няни.

Мы обменялись телефонами. Я записал её как «Елена, поликлиника».

— Очень романтично, — заметила она.

— А как нужно?

— Например: «Елена, добрая волшебница».

У меня перехватило дыхание. Она не могла знать о нашей сказке, но слова прозвучали как знак, в которые я никогда не верил.

У Маши тоже оказался вирус. Врач выписала лекарства и больничный на пять дней.

— Мама будет с ней дома? — спросила педиатр.

— Папа.

Врач посмотрела поверх очков.

— Справитесь?

Четыре дня назад я бы задумался.

— Справлюсь.

Вечером Елена прислала телефон няни и фотографию книги. Я ответил: «Спасибо, добрая волшебница».

Она написала: «Не привыкайте. Волшебство только по понедельникам».

— Позови их к нам, — потребовала Маша.

— Ты болеешь.

— Когда выздоровею. Папа, ты обещал, что волшебница найдётся.

Я посмотрел на экран телефона.

— Нашлась — ещё не значит, что она наша.

— А чья?

На этот вопрос я ответить не смог.

Глава 4. Женщина с зелёным шарфом

Пять дней больничного изменили мои представления об отдыхе. Раньше я думал, что человек на больничном спит до полудня, пьёт чай и смотрит сериалы. В действительности я вставал раньше обычного, измерял температуру, уговаривал Машу принять сироп и одновременно отвечал на рабочие звонки.

К среде научился варить кашу без комочков. К четвергу освоил две одинаковые косички. Правда, через час они распадались, но начало было положено.

Лариса звонила каждый вечер. Иногда разговор длился пять минут, иногда меньше. Она спрашивала о температуре и обещала приехать, когда Маша выздоровеет. Дочь перестала уточнять, когда именно это случится.

С Еленой мы переписывались ежедневно. Сначала обсуждали лекарства и симптомы. Потом она прислала рецепт супа, который невозможно испортить. Я испортил, и это стало поводом для получасового разговора.

В пятницу врач разрешила Маше гулять.

— Позови Никиту, — сразу сказала дочь.

— Он тоже болел.

— Уже здоров. Вы вчера с тётей Леной говорили, а я слышала.

— Подслушивать нехорошо.

— Я не подслушивала. У меня уши сами слышали.

Я написал Елене и предложил встретиться в парке. Потом десять минут смотрел на сообщение, не решаясь отправить. Оно казалось слишком похожим на приглашение на свидание. В конце концов добавил: «Дети хотят увидеться».

Так стало безопаснее.

Елена ответила через минуту: «Конечно. Исключительно ради детей».

В субботу мы встретились у входа в парк. Елена пришла в светлом пальто и зелёном шарфе. Волосы она распустила, и я впервые заметил, что они доходят до плеч.

— Вы другая, — сказал я вместо приветствия.

— Это плохо?

— Наоборот.

— А вы без розовой футболки.

— Она предназначена для особых случаев.

Дети убежали на площадку. Поначалу мы говорили только о них. Никита любил конструкторы и мечтал стать изобретателем. Маша хотела быть ветеринаром, балериной и продавцом мороженого одновременно.

— Она часто вспоминает маму? — спросила Елена.

— Каждый день. Но уже не спрашивает, когда та вернётся.

— Это не значит, что она смирилась.

— Знаю.

— А вы?

— Что я?

— Смирились?

Я посмотрел на детей.

— Просыпаюсь и несколько секунд думаю, что Лариса рядом. Потом вспоминаю.

— Со временем эти секунды исчезнут.

— Вам стало легче?

— Да. Только не сразу.

— Вы его любили?

— Очень.

В её голосе не было ни злости, ни тоски. Осталась лишь усталость от старой боли.

— Он видится с Никитой?

— Первые месяцы приезжал. Потом у него родилась дочь. Теперь звонит по праздникам и переводит алименты.

— Никита скучает?

— Раньше ждал. Теперь делает вид, что ему всё равно.

Мальчик в этот момент помогал Маше забраться на высокую горку. Он был серьёзным, осторожным и слишком самостоятельным для своих лет.

— Хороший парень.

— Да. Мне с ним повезло.

— Ему тоже.

Елена отвернулась, будто комплимент её смутил.

Мы провели в парке почти три часа. Купили детям мороженое, хотя оба недавно болели. Потом зашли в маленькое кафе. Маша и Никита рисовали на салфетках.

Дочь протянула мне рисунок. На нём были четыре человечка.

— Это кто?

— Мы.

— Все четверо?

— Я, Никита, ты и тётя Лена.

Елена едва не подавилась кофе.

— Почему у меня зелёные волосы?

— Это шарф.

— Тогда почему он на голове?

— Я не умею рисовать шею.

Я сложил салфетку и убрал в карман.

— Папа, а тётя Лена волшебница? — спросила Маша.

— С чего ты взяла? — поинтересовалась Елена.

— Папа рассказывал сказку. Там к архитектору должна прийти добрая волшебница. А папа архитектор.

— Я инженер-проектировщик.

— Это почти одно и то же, — сказала Елена.

Наши взгляды встретились.

— Значит, вы всё-таки волшебница? — спросил я.

— Нет. Я бухгалтер. Это гораздо страшнее.

После кафе дети попросились к нам. Я хотел отказаться: дома был беспорядок, в раковине стояла посуда, на сушилке висело бельё. Но Маша уже держала Никиту за руку.

— Только ненадолго, — согласился я.

По дороге мы зашли в магазин. Елена купила яблоки, масло и корицу.

— Не нужно ничего готовить.

— Я обещала Маше пирог.

Дома я поспешно собрал игрушки и убрал с дивана чистое бельё.

— Можете не изображать примерного хозяина, — сказала Елена. — Я три года живу одна с ребёнком. Меня ничем не испугать.

— Даже горой посуды?

— Особенно ею.

Она закатала рукава и начала готовить. Я резал яблоки. Наши руки несколько раз соприкасались, и каждое прикосновение я замечал слишком отчётливо.

— Почему вы больше не вышли замуж? — спросил я.

— Кто сказал, что меня звали?

— Не поверю, что не звали.

— Были отношения. Один мужчина предлагал жить вместе.

— И?

— Он хорошо относился ко мне, но Никита его раздражал. Не открыто. Просто всё время хотел, чтобы сын не мешал. Говорил, что ребёнку полезно стать самостоятельнее.

— В пять лет?

— Именно.

— И вы его выгнали?

— Сначала пыталась объяснить. Потом выгнала.

— Правильно.

— А вы смогли бы принять чужого ребёнка?

Вопрос застал врасплох. Я посмотрел в гостиную. Никита строил с Машей башню.

— Если любишь женщину, нельзя требовать, чтобы она оставила часть себя за дверью.

Елена долго молчала.

— Редкая точка зрения.

— Нормальная.

— Нормальность тоже бывает редкой.

Из духовки пахло яблоками и корицей. В квартире звучали детские голоса. Елена стояла у моего стола, и на короткое мгновение мне показалось, что именно так всё и должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.